

ВЛАДИМИР КРУПИН

ТАМ, ГДЕ ПРОШЛИ СТОПЫ ЕГО

Свят Божий мир, созданный Господом, сотворённый для счастья. Святы моря, горы и долины, и “всё, яже в них”. Но святее всего та Земля, которой касались пречистые стопы Господа нашего Иисуса Христа и Его пресвятой Матери, Девы Марии. И когда наш ум устремляется к Святой Земле, то трепетнее становятся мысли, очищаются чувства и возвышаются молитвы.

Святая Земля и Святая Русь – непостижимая, неразрушимая, вековечная связь у них. Россия выстояла в веках, в невероятных страданиях только от того, что более всех приняла в своё сердце Христа. В вере православной наше спасение.

Сияние Святой Земли насильственно пригашалось, общение с ней искусственно прерывалось, но любовь к ней от этого только крепла. Всё падало и рушилось: деньги, оружие, идеологии, кумиры, всё безследно расплылось в пространстве и времени, а наши бессмертные души улетали к центру спасения мира – в Иерусалим, ко Гробу Господню, туда, где живёт вечность.

В Святой Земле ощущаешь, что никаких двух тысячелетий со дня Боговоплощения не прошло. Всё было и происходит сейчас, при нас. Сегодня засияла Вифлеемская звезда, на свет которой шли простые пастухи и учёные волхвы, сегодня Симеон Богоприимец и пророчица Анна встретили Его у врат храма, сегодня Он погружался в струи иорданские и “Дух Святой в виде голубине” сходил на Него. Сегодня и всегда Он идёт по дорогам Палестины, учит, исцеляет, насыщает хлебом земным и небесным, утишает бурю, сегодня восходит из-за нас, из-за наших грехов на Крест, “спасения нашего ради”, сегодня “воскресе из мертвых и смертию смерть поправ”, сегодня, оставив упование на Своё возвращение, возносится к Отцу Небесному...

Как же нам не стремиться в Святую Землю!

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВЕЧНОСТИ

Слава Тебе, Господи, опять я в Святой Земле, слава Тебе! Сажу в прохладном дворике монастыря Герасима Иорданского, сажу и думаю: жил я только в детстве и старости, остальное – суета сует. Солнечное счастье открытия Божьего мира вскоре, по мере взросления, затенилось заботами дня. И вот – как и не жил, а было только детство, да этот приход на Святую Землю.

Да, так. Разве что-то значат наши дела, какие-то свершения по сравнению с безмерной величиной прихода в мир Христа? И что такое любые страдания по сравнению с Его Крестным подвигом?

Давно, в детском блокноте, записал я от деда слышанный им в его детстве духовный стих: “Наша жизнь словно вскрик, словно птицы полёт, и быстрее стрелы улетает вперёд. И не думает ни о чём человек, что он скоро умрёт и что мал его век”. Была в нём строка: “Наша жизнь словно сон, но не вечно же спать!”, тогда непонятная. А всё просто – главное: у Бога нет смерти. День кончины – это день рождения в жизнь вечную, так что смысл земной жизни – однажды проснуться в жизни вечной со спокойной душой.

И это осознание – главный подарок Святой Земли. А она – уже навсегда – основа моей жизни. Она для меня – синоним Святой Руси. И это я записываю во взрослом блокноте, во время краткого пребывания на том месте, где ночевало Святое семейство, уходящее от царя Ирода в Египет.

О, сколько же всего я перечитал о Святой Земле! Читал прежде всего как простой смертный, а иногда и как человек, который дерзает добавить что-то и своё. И в этом случае по-хорошему завидовал всем: игумену Даниилу, Трифону Коробейникову, Григоровичу-Барскому, Муравьёву, Норову, Хитрову, Смышляеву, Скалону, Лисовому, Житенёву, в общем, всем. Ибо изумлялся и их памяти, и их системному подходу. Как они привлекали в труды такое количество дат, событий, фамилий? После них я и не посмел бы писать научный труд, у меня задача скромнее – передать те ощущения, которые испытывал, пребывая в Святых местах. Если Господь и раз, и два, и три привёл тебя в Палестину, нельзя же быть скрягой, обладающим богатством и не желающим делиться им с теми, кто по бедности или по здоровью, по возрасту не смог сам посетить святыни Востока.

В НЕБЕСНЫХ СНЕГАХ

Из серой, холодной Москвы, из заснеженного белого Подмосковья! Уже не обижают процедуры раздевания, разувания, просвечивания, даже и ошупывания. “В целях вашей безопасности”. Интересно, когда улетаешь из Бен-Гуриона, то мучают обысками гораздо меньше.

Взмыли над снегами, ещё минут пятнадцать – и пошли над снегами уже облачными. Впервые, кажется, застал такой стремительный красный восход. Слева по горизонту красная граница меж облаками и небом расширялась, и накаливалась, и набухла особенно сильно в одном месте, из него вдруг, как из домны, полился раскалённый металл, будто шла плавка. Металл отвердел и вылился в форму растущего шара. На него уже через десять секунд нельзя было смотреть. Хлопают шторы затемнения. Окна замёрзли. Минус пятьдесят два.

Навалили груды разноцветных тяжёлых газет. Сплошь банковские и актёрские морды. А то уже и объединённые, актёрско-банковские. Страницы залиты разномерными шрифтами: грабежи, насилия, кино о грабежах и насилиях, умножающее грабежи и насилия, спорт, разводы, растраты, постели, пошлость, похоть. Враньё властей и политиков, дозированные вопли обездоленных. Всё это, сейчас в буквальном смысле, летит над Россией.

Стучат колёсики по проходу, везут на тележке обед. Надо же – учтено: вегетарианский, пятница. И программы раздали. Очень хорошая программа, но нет ночной службы у Гроба Господня. Но если будем жить близко к Старому городу, сбегу самостоятельно.

Чего-то никак не настроюсь.

Занялся радостным делом – долго писал записки о упокоении и здравии. По опыту знаю, что посещение храмов всегда бегом-бегом, кого-то и забудешь вписать, потом расстраиваешься. Сколько же прошло предо мною усопших, родных и близких. Число их больше, чем живых. И всё увеличивается раздел о упокоении.

Обед был зело силён, хоть и соевый. Но без питья, слава Богу. О, а как летали в навсегда прошедшие года. Умели летать, умели. Летишь это, бывало, с Солоухиным, Беловым, Распутиным, Айтматовым...

Вёз однажды делегацию писателей в Магадан. Рейс всё откладывали. Чем не повод для радости жизни? А над Таймыром “зона сложных метеороло-

гических условий”. “Ил-86” так швыряло, так валяло, так подпिनывало “сложными условиями”, что привёз делегацию в суровые места трезвёхонькой. Спустилась делегация по трапу бледная и серьёзная. Глядим друг на друга – живые. Так это же что? Так надо же выпить за спасение души, отпраздновать приземление. А как вы думаете?

Не отвлекайся! Море. Открылся берег – Святая Земля!

“ПРИСТЕГНУТЬ РЕМНИ!”

Корабль для паломничества предпочтительнее, время на нём идёт степеннее, молитвы в море серьёзные. Помню, как корабль всегда рано утром причаливал к Хайфе. Иногда не сразу принимали или медлили израильские таможенники. Корабль тихо лежал в воде, а во весь горизонт стелилась ветхозаветная гора Кармил, и я уже мысленно поднимался в гору, бежал мимо несуразного, но большого строения бахаитов, религии для всех и ни для кого, входил в пещеру Ильи-пророка.

Ощущение, что летим тихо-тихо, как на планере, зависли прямо. Берег белый и тёмно-зелёный, дальше горы, перед ними разновысокие здания. На море пусто. Слабое солнце ходит по нему светлыми пятнами. Вот усилилось. Круглые башни Тель-Авива прямо тычутся под днище. Стучат выпускаемые шасси.

Тепло. Солнце. Едем, восходя... не восходя (а ведь даже на коленях тут ползли) к Иерусалиму, восемьсот шестьдесят метров над уровнем моря. Всё такое родное: тут Иисус Навин в Аелонской (Оленьей) долине, вот она, остановил солнце, апостол Пётр исцелил праведную Тавифу. То, что солнце остановилось по молитве святого, людей веры не удивляет. Объяснение чуда наукой говорит об атеизме такой науки. Уж какой из меня молитвенник, но видел же я, грешный, в страстную субботу 1998 года при схождении Благодатного огня, как луч солнца ходил по храму Воскресения Господня. То есть или солнце ходило в небесах, или планета качалась туда-сюда.

Родина Иосифа Аримафейского и Благоразумного разбойника. Вдали гора пророка Самуила, Рамалла. Ведь я, счастливый, и там был. Монастырь молчальников. И тут был. Вино молча продают. Пылит гигантский цементный завод. Израиль постоянно и как-то лихорадочно обстраивается. Не побываешь год – ничего себе – место то же, да всё не то. То и у нас так, такая же лихорадка, особенно в сильно интернациональной Москве.

Эммаус. Лука и Клеопа, апостолы из семидесяти. Ведь они в ту же ночь, когда узнали Спасителя в преломлении хлеба и Он стал невидим, они тут же пошли обратно в Иерусалим. Шестьдесят стадий, легко ли. Это не в автобусе с кондиционером. Шестьдесят стадий. А слово какое! Это же не только мера длины, ещё и ступень и этап, и корень слова, напоминающего о малом стаде Христовом, которое в ту ночь, “страха ради иудейска”, было воистину малым.

Культурный слой повышается, это гид говорит, но не радостно от этого, это вода уходит. Вообще о проблеме воды говорят они постоянно. И кто виноват, что высасывают на поливку Тивериадское море? Овощи и фрукты на экспорт. И пруды с рыбой надо постоянно доливать.

Миндаль. Интересно, что он не как, например, вишня, вначале выкидывает листья, – вначале цветёт. Незабываемо – стрелы веток, наряженные в бело-красно-розовые цветы. Оливы темно-серебристые.

ИЕРУСАЛИМ

Молебен в миссии. Архимандрит Тихон. Рад сердечно. А я-то как рад! Вспомнили годы преподавания в Московской Духовной академии. Отец Тихон всегда читал Житие святого Зосимы в неделю Марии Египетской. Тут уже четыре года.

Старый город. Обед. Сбегу! Как утерпеть – Гроб Господень рядом. А тут как сейчас заведут общую песнь многолетий всем начальникам. Не осуждаю, упаси Бог, меня же они и привезли из милости. Многая им лета!

Сбежал, и счастлив. Всё же рядом. Нью-гейт, Яффа-гейт, то есть и Новые ворота, и Яффские. Жёлтые, гладкие плиты под ногами. Обувь сама соскакивает с ног и прячется в пакет. По улице вниз и перед узорными воротами с решёткой сверху – налево. Там тоже жёлтые плиты под ногами, но размера большего. Торговцев много, покупателей мало. Мир напуган террористами, едут сюда меньше обычного, но русских не запугать.

Торопился к Храму. Помните меня, камни? Старый уже я стал, ещё помню, как по вам, камни, цокали ослики, запряжённые в узенькие тележки, нет их. Бегом вниз, тут направо, бегом дальше, камни под ногами исполинских размеров, метров сорок, всё! Господи, я у колонны, из которой вышел Благодатный огонь для православных, я у входа в храм, у Камня помазания. И на Голгофе! И везде почти один. Не рассказать.

В сам Гроб, в Кувуклию очередь очень небольшая, и монах-грек не торопит. А то обычно они не церемонятся. Но и как сердиться? Такой бывает наплыв.

Запускают по четверо. Прошёл на коленях внутрь. Как-то глохнешь, что ли, как-то отключается способность мыслить. Только судорожно просишь у Бога всего доброго родным и близким и торопливо, будто Господь и без меня не знает, перечисляешь их имена. И о России просишь, и за неё молишься. А вскоре уже просто лежишь горячим лбом на мраморе гладкой плиты. Восковые слёзы свечей. Свечи белые.

И вышел и обошёл Кувуклию. И сейчас записываю и помню её, такую родную, потемневшую от пламени миллионов свечей, помню и всегда сидящего в часовне коптов маленького приветливого монаха. И гробницы Никодима и Аримафея. Да всё, всё! Но надо к делегации. И ещё взлетел на Голгофу, и ещё ощутил в глубине выемки, где стоял Крест, холодный камень.

Отсутствия моего никто и не заметил. Когда пришёл в храм со всеми, очередь уже стала изрядной. На Голгофе служили католики. Но они всегда дружно и недолго. Вот уже “Патер ностер”, уже “Аве, Мария”, кадят, дружно уходят. Молимся и мы, подвигаясь на коленях ко Кресту.

Гостиница та же, вроде и номер тот же, тот же вид на Елеон и Русскую свечу. Вечером не утерпел – к Старому (Олд Сити) городу. Это же рядом. Перейти только мост над геенной, над Иосафатовой долиной. Так режут стада гоночных машин, будто вот-вот все провалятся. Хотел обойти Старый город, не решился. Не успею, потом. Один раз обошёл за три часа, другой за два. Можно и за полтора, но лучше всего, когда не спешишь. Такое счастье, даже в воспоминаниях.

ВОСПОМИНАНИЕ

Утром, конечно, помчался ко Гробу. Уже и Порог Судных врат, перед которым ещё можно было заступиться за осуждённого, но никто не заступился за Христа, теперь тут Александровское подворье, оно наше, и отделяется.

В храме впервые через десять лет поднялся на место, где был в прошлом веке на схождение Благодатного огня. Как попал? Господь привёл, другим не объяснить. Толпой армян, в которую затёрло, вынесло на второй ярус. Да, тут стоял, тут, на полу, спали монашки, которых армянские стражи хотели выкинуть. И за меня схватились. Но опять же Господь. Будто ангел-хранитель за меня спросил армянку, имя узнал потом, Манану о судьбе одного писателя, который для армян, как для нас Пушкин. А я его знал. Манана меня зауважала и защитила. От выброса. И монахинь защитила по моей просьбе. Ибо они ждали огня уже сутки и заслужили милость Его получить. Да, вот тут стоял. Внизу полицейские лупили сильно напирających и арабов, и армян, и коптов, да и греков. Крики, музыка, барабаны. Давка превышала утреннюю давку в опоздавшем автобусе раз в десять. “И сюда придёт огонь?” – потрясённо ду-

мал не я один. Тогда же видел, и уже рассказывал, и повторю: видел, как по крыше Кувуклии ходил солнечный луч.

Потом ещё и ещё бывал на схождении огня и уже не удивлялся ничему. Тем более знал уже, что арабы скандируют хором то, с чем я очень согласен: “Наша вера правая, вера православная!”. И уже приветствовал их: “Аль Масих кам!”. То есть то же, что греческое “Христос Анести!” То есть то же, что наше: “Христос Воскресе!”. Воистину, воистину, воистину.

У Гроба месса католиков. Принесли стулья, скамьи. Сидят, встают, громкий орган. Побежал к пещере Обретения Креста. Но орган доставал везде. То место справа от лестницы, откуда ещё лет пятнадцать назад слышались страшные звуки (говорили: голоса грешников из ада), замуровано и облицовано белым мрамором. У Камня бичевания звуки органа стали тише и смолкли вскоре совсем. Но мне уже пора. Ещё пробежал вдоль стен Старого города, но застрял в зарослях колючего вереска и продрался к тропинке. Ягодки голубенькие, мы такие в детстве ели, борясь с постоянным голодом. Собрал и букетик размером с мизинец.

ЕДЕМ

Гид: “Сулейман Великолепный воздвиг стены вокруг Старого города, чем, собственно, и являлся Иерусалим. Под землёй, под нами прокопан ход к Иерихону”.

Вопрос к нему: “А что, всё готово для восстановления храма Соломона?”.

Гид: “Спасибо за доверие, но вопрос не ко мне. Продолжаю. Восстанут мёртвые из гробов и соберутся в Кедронскую долину, переходящую в Иосафатову и идущую к Мёртвому морю. Пророчество – лев ляжет рядом с ягнёнком. Наверное, заметили у дверей вашего отеля мраморная композиция – лев и ягнёнок, это библейский сюжет. Сюда – монастырь Патер Ностер, сюда греческий святой Пелагеи”.

Автобус опасно виляет. Гид: “Вот так. Здесь все водители арабы и всех зовут Шумахеры. У нашего Али (Али поднимает руку и нас приветствует) дед был погонщик верблюдов, а внук погоняет автобус”. Кто-то: “Автобус легче водить”.

Гид обижен на перебивания, рассказывает о Саладине, крестоносцах, храмовниках-тамплиерах. “Саладин такой был усиленно благородный, он не разрушил строения, а их перепрофилировал”.

Тяжело ездить с гидами-иудеями, всё-то они знают, всё-то они выведут в пользу израильтян. “У Аль-Аксы (мечеть в Старом городе) был рыночный храм, из него Спаситель изгнал торгующих”.

Лучше смотреть да молиться. Но иногда сам слух обостряется, когда что-то и у гида интересное. “Совет церковью рассматривал вопрос о Золотых воротах. Дебатировали – открыть их или оставить закрытыми. Ведь во Втором пришествии Спаситель войдёт именно через Золотые ворота. Мудрецы сказали: а что такое камни и кирпичи для Спасителя, он пройдёт любые стены. Так и оставили”.

Нет, кондиционер простудит любого. Свой перекроешь, продует соседским. Сосед отвернёт краник струи в сторону, продует сзади.

Гид: “Беспокоить мёртвых это не есть хорошо. Открывают каменный гроб – скелет есть, мяса, прошу прощения, нет. Саркофаг в переводе – это поедающий мясо”.

Ещё надо учесть, что много евангельских событий произошло вне стен Старого города. Резиденция Каиафы, куда из Гефсимании привели преданного Иудой Христа, была там, где церковь апостола Петра. Её легко узнать – на вершине её сидит петушок в память о тех петушиных криках, обличивших отречение ученика от Учителя. Потом ученик своей Крестной смертью в Риме искупил вину краткого отречения.

ЕЛЕОН

Монахиня Екатерина разбирает ёлку, с радостью говорит об объединении церковей. Помню, и меня весьма нелюбезно не пустили сюда. А в другой раз наоборот, даже позвали в трапезную. Всё от людей зависит. Начальники ссорятся, а нам-то что?

“Рожковое дерево. Видели? Знаете? Иоанн Креститель питался. И мы с году не пропадём”. Смеётся.

Обряд Крещения бывал и в купели, наполненной оливковым маслом. Так его было много, мы же на Масличной (Елеонской) горе. Тут были давилни, маслобойни, давилня и есть в переводе Гефсимания.

Церковь Филарета Милостивого, этого новозаветного Иова Многострадального. Хлеб белый, такой невесомый, но такой душистый и вкусный. А сами монахини рады ржаному хлебушку из России.

С годами всё иначе. Что? Пугаюсь, что воспринимаю привычно, уже знаю, что и о чём расскажет гид или сопровождающая монахиня. Но ведь почему-то же тянет и тянет сюда, такая магнитность в этих местах, такая радость бытия здесь. Сажу на тех же ступенях у гробницы Божией Матери, на которых сидел, в первый раз причастившись на ночной службе у Гроба. Та же широкая лестница, которая тогда, на Успение, была уставлена справа и слева белыми горящими свечами. Золотые, жаркие ленты сверху вниз, к гробнице. Только посередине дорога меж пылающих обочин. Деточки бегали среди огня. Монахи нещадно вырывали немного погоревшие свечи, ставили новые. Вверху, в ящики, было навалено столько свечей, что они вываливались через край. Помню, мне очень было жалко, что они послужили такой малый срок, и я набрал почти целых и увёз в Москву и потом, при молитвах, зажигал их.

Много молодых паломниц ставят свечи святому праведному Иосифу Обручнику, по поверью, он помогает в замужестве и женитьбе. Мы, люди в годах, кланяемся родителям Пресвятой Девы, вспоминая своих.

Принесли кресло для Патриарха. А в него, хоть бы что, села простоволодая, очень довольная, объёмистая гречанка. Монах сделал ей замечание, она отмахнулась в том смысле, что, мол, придёт – встану.

ВИФЛЕЕМ

Вифлеем! Первая любовь моя на Святой Земле. Жил в нём больше десяти дней в первый приезд. А привезли в него палестинцы, минуя Иерусалим, куда въезда им не было. Огибали по грунтовым дорогам, через горы. К удивлению сопровождающего переводчика, упал на колени в красную пыль грунтовой дороги. Такое чувство не испытать, видимо, более. Может быть, даст Бог бывать и бывать в Святой Земле, а однажды понять, что приехал сюда в последний раз.

Да, Вифлеем! Въехали в Вифлеем. О, магазин сувениров какой стал огромный. Тут рядышком гробница Рахили. И сейчас палестинские Рахили плачут, и сейчас избиение невинных младенцев продолжается.

Сердце радуется и печалится, не повторится то время той пасхальной весны, когда всё тут избегал босыми ногами, бежал в каждую свободную минуту в храм Рождества. Палестинцы дивились на меня, приветствовали. “Моисей, – хлопали по плечу, – Давид!”. Мальчишки забегали вперед, показывали на мои ноги, смеялись. Изображали, что разуваяются, что готовы продать свою обувь. Греки в храме встречали как родного. Что мне горевать, когда я долгими минутами был один-одинёшенек у Вифлеемской звезды, такую милость получил от Бога.

На развилке улиц усиление, против прежней, торговли. Гуси, утки, кролики. Голуби, тревожно воркуя, ходят внутри тесных клеток. Да, улицы, переулки, лестницы, лавочки, помните мои босые пятки? Людей больше, машин больше, товаров больше. А чего меньше? Меньше радости. Тогда обязательно встречные шутили, и продавцы общались без назойливого притягивания к покупке. Смех, шутки звенели на всём пути. Они и меж собой весело обща-

лись. Как норма общения. Сейчас убавилось веселья. И то сказать – было и тут недавно нашествие, и танки стояли на улицах, и храм, как осаждённая крепость. Тогда в Вифлеем не пустили, а после, помню, пришёл в храм – Боже мой – всё закопчено, разорено, зачернено даже, особенно тяжело было в самой пещере.

Но не осквернить святыню. В Самарской епархии, недалеко от Тольятти, завалили землёй (бульдозеры работали) место явления иконы Божией Матери, источник, тут появившийся. Он, что важно сказать, появился, как утешение, в год революции. Над ним свинарник построили, зловонная жижа из него стекала в низину. А источник пробивался. И одна верующая женщина набрала этой жижи в трёхлитровую банку, говоря себе, что всё-таки хоть сколько-нибудь да будет тут воды из источника. И банка у неё стояла на крыльце. Утром смотрит – вся навозная масса вышла наверх, на стекло, а внутри осталась чистейшая родниковая вода.

По грехам моим образ Спасителя на колонне перед пещерой не открыл на меня глаза. Толкотня у места Рождества и у яслей. Монах безцеремонно выталкивает, начинается служба.

Тянется обед. Неудачно сел (посадили), не сбежишь. А так ещё хотел вспоминать о Вифлееме в Вифлееме.

Да, гора Ирода давно исключена из программ посещения – нечего смотреть и зона опасная, близко сектор Газа. Смотреть нечего, кроме осознания – отсюда был отдан приказ о убиении младенцев. Ещё помню склоны горы, все поросшие терновником. Привёз его ветки, и были они у божницы, пока не сгорели в пожаре квартиры. А ведь вот тоже – Ирод. И чего-то, и много, строил. “Водовод Ирода. Построено при Ироде”. А запомнился одним – плач младенцев.

Всё-таки закрытые глаза Спасителя тяготили. Зная, как нескоро собирается народ к автобусу, как хватают паломников за руки у разных прилавков, помчался в Храм. И слава Богу! Упал на колени перед колонной, молился, а когда осмелился взглянуть на икону, Спаситель смотрел на меня. Строго, но, слава Богу, не гневно.

ДОРОГОЙ ПРИТЧИ

Дорога в Иерихон, дорога притчи о том, кто тебе близкий. Гид умудряется оправдать священника и левита. Оказывается, и тот и другой, по их убеждениям, не могли прикоснуться к раненому. Хороша религия. “Они не могли терять статус”. Справа Приют доброго самарянина, церковь святой Елены. “Самаряне – секта тогда, может быть, по тогдашним понятиям иудеев, еретическая. Во время Иисуса было сорок сект”.

Всё вниз и вниз. Четыреста тридцать метров ниже уровня Мирового океана. А как хлынет?

Утром опять бегал в храм Воскресения, как утерпеть, он рядом, встаю рано. Один-одинёшенек у Гроба и у Камня Помазания, слава Тебе, Боже! Копты, двое, тоже не спят. Одарили хлебом. На Голгофе католики. Сидят вдоль по лавкам, служит негр в белом.

“Направо могила Моисея”. Это гид говорит. Но не обще ли известно о её отсутствии? Как это вдруг, могила Моисея? “Да, мусульмане говорят, что нашли”.

Видимо, это для сборов дани с легковых. А турки как? В том же бывшем византийском Эфесе. Всерьёз говорят о могиле Божией Матери. Везут в дом Иоанна Богослова (новодел), показывают около него насыпанный холмик под цветами.

Проехали. Закладывает уши, как в поднимающемся самолёте, тут опускаемся. Но не по простому пути, по царскому, по главной тогдашней дороге из Сирии в Египет.

Справа Мёртвое море. Иисус Навин тут пришёл к Иерихону. Проклятье над Иерихоном сбылось – так восклицаю, видя высотную гостиницу при въезде и сверкание рекламы казино.

ДОРОГОЙ КРЕЩЕНИЯ

Никуда не заезжаем, торопимся, ибо боимся наплыва людей и транспорта. Новость – нынче к Иордану не пустят – железный высокий забор. Да, и Патриарха не пустят. А берег Иордании рядышком, метров двадцать. Вижу даже знакомого священника из Екатеринбурга, вместе шли Крестным ходом к Ганиной яме. Но оркестры и крики не перекричать. Он с левого берега меня благословляет, и меня, благословленного, относит толпа. Но их-то пускают к воде. Русскоговорящий, как почти все тут, полицейский, негромко сообщает, что, может быть, пустят часа через два после молебна. Но так долго разве будут ждать наши распорядители? Успокаивают – будет погружение у Кинерета.

Вернулся к стенам храма Иоанна Крестителя. Да, стены. Ибо ещё не развалины, но уже не действующий храм. Хотя крыша есть. Но, судя по промоинам в полу, течёт. Отдайте нам его, греки.

Патриарх, множество священников. Оркестры. Да такие громкие, что опять же вспоминается суббота схождения Огня, в которую гром барабанов и резкие звуки оглушительных труб уже не рушили стены иерихонские, да их и нет, но покушались на разрушение органов слуха.

Пеший проход под оркестры. Дирижер более в поле зрения, нежели патриарх и свита. Он своим жезлом выделяет несусветное. И крутит, и вертит, и в небо запускает, и вроде на него и не смотрит, но жезл возвращается к хозяину.

Служба. Водосвятие. Огромный чан. Арки из пальмовых веток. Когда Патриарх погружает крест, на его патриарший посох откуда-то прилетает и садится белый голубь. Потом улетает и носится над Иорданом – последней рекой на планете, из которой можно пить в любом месте. Да вот не везде подойдёшь. Потом следующий голубь. И третий. И вот все вместе они выделяют круги и спирали над ликующим народом, над иконами и хоругвями, над полицейскими у колючей проволоки, и вдруг решительно враз поворачивают и уносятся в Иорданское королевство, видимо, в благодарность за новопостроенный храм у места Крещения. Вон как сияют его купола, позолоченные на русские деньги. Трансляция службы усилена децибелами динамиков. Войска по краям. Ограждения. Объясняют, что там ещё находят мины иорданско-израильского конфликта. Там как раз ходила Мария Египетская. Путь к святыням через мины. Людей – море. Запах ладана из многих кадилъниц.

Пробую доискаться начальства, чтоб задержаться. Где там! Оно в таких случаях всегда за кадром. Полиция: приказа нет. Расстройство общее. Первый год, когда не пускают к воде на Крещение. Вот и случай для смирения.

Среди толп ходят великаны, это молодёжь на ходулях. Для радости своей ли, чужой ли, но отвлекают от молитвы. Оркестры тоже сами по себе. Вот ударили на прощанье и уходят под команды прыгающего над музыкантами дирижёрского жезла.

Вернулся к храму Иоанна Крестителя. Служится Акафист Божией Матери. Служит наш священник. Такого огромного роста, что кажется выше тех, кто на ходулях. С ним рядом стараются сфотографироваться иностранцы. Общая молитва “Царице моя, Преблагая”. Шум и толкотня. Возвращается от реки Патриарх. Греки теснят нас, но всё-таки стоим хотя бы в притворе. Рядом молодой мужчина с молодой русой бородкой. “О то ж патриарха побачимо, та до Иордану, та и в Иордан”.

Солнце такое тёплое. 19 января. В боковом притворе следы костров и, конечно, надписи, оповещающие мир о побывавших здесь туристах. Надписи

не по-русски. Пыль, остатки рам, железки. Идёт диакон – на цепочке, думал, кадило, нет, фотоаппарат.

С нашим великаном (отец Олег) продолжают сниматься. Он добродушно возвышается. Женщины-католички касаются рясы отца Олега и целуют свои пальцы. “Батюшка, – говорят ему, – нехай не даром дывляться, хай будем червонцы за тебе браты, та на крышу крыть. Дуже треба. А? Нам тильки кишеньку разгорнуть, а доллары тудой хлюп да хлюп”. – “Не можно долларив, – возражает великан, – червонцив та рублив дуже багато”.

Молимся. За тем же и ехали.

В ЗЕМЛЮ ОБЕТОВАННУЮ

Солнце. Путь в Тивериаду. Всегда там всё цветёт. Но ведь Иудейская пустыня тоже “текла мёдом и млеком”, но “преложил Господь землю плодородную в сланость от злобы живущих на ней”. Вот так. В пустыне этой была сотня монастырей, сейчас едва ли десять. Молоко было и коровье, и козье, и верблюжье, а мёдом называли сок фиников. Это гид. Он же (и откуда взял?): “Всемирный потоп не накрыл Землю Обетованную. Потерянный рай. Отсюда допотопная тяга сюда всех: персы, турки, арабы, монголы, сельджуки, османы”.

“Слово Иордан с иврита – спускающаяся река. Но тут и скифские корни. В верховьях минус двести метров от уровня моря, при устье минус четырёхста. Не слабо. Не вялая река”. Обращает внимание на пустынные земли: “Это не песок, лёсс. Если оросить – плодородны”. Видя, что всем интересны мелькающие за окнами поселения бедуинов – шатры, изодранное тряпье на шалашах, вагончики, фургоны, старые остовы автобусов, сообщает: “Бедуины. Есть собственно бедуины – кочевники, гордый народ, рабски не прикованы к дому. Есть феллахи, оседлые земледельцы. Бедуины их презирают. Но уже и у бедуинов сыновья – водители автобусов. Дед на верблюде, внук (показывает на водителя) на машине, оснащённой электроникой”. Тут же рассказывает уже всем известную шутку, что всех водителей на Ближнем Востоке зовут Шумахерами. Рассказывает, что уксус – это сын вина, что тут бывали битвы за торговлю благовониями, ибо сбыт ароматических вод и масел востребован был всегда. Бань нет, мыться негде, а пахнуть хочется привлекательно. Рассказывает, что тут вот памятники крито-микенской культуры, что здесь сирийско-египетский разлом, что Израиль – это “борющийся с Богом”, что Палестина означает “вторгающийся”, то есть гиды всегда всегда кольнут арабов. Лягает попутно и Ясира Арафата, но чувствует – это не проходит: для нашей Церкви от Арафата одни милости.

Гид молчать не может, сообщает, что везде, “куда дотянулась мощная волосатая рука израильянина – первопроходца, там преобразования”. Тут и спорить неохота. Наконец, и гид устаёт и просит пощады: “У меня уже заплетётся язык”.

Расквартировались. Бегал к озеру, к тому месту, где, ужасаясь его замусоренности, раздевался и заплывал. Сейчас не решился.

Ходил к греческому монастырю. Рядом уже наше владение. Старые черно-базальтовые стены. Тут будет, так и вижу вывеску: “Странноприимный дом Русской Православной церкви”. Уверен, что и берег похорошеет и очистится от продуктов цивилизации.

Но какой же шум! Улица гудит гудками и ревет моторами, в номере шумит, сказали, что не отключается, кондишен. Давит на уши, от них переходит в голову, опускается в грудь, тяжелит её.

Нет, снова к морю! Ужинать не буду, дам желудку каникулы. Сквер перед морем чистят дворники. Гигантским пылесосом вздымают старые листья и втягивают их внутрь объёмистого пузыря.

Только у моря, если сидеть совсем близко, склоняясь, слышен древний шум библейской истории. Слушал уже сегодня ласковый прибор озера у монастыря святой Марии Магдалины. Но так мало, так торопили. А ужинали часа три, желающие дольше.

Сидел до поздних сумерек. Купил в ночном магазинчике сухариков, чуть поел, опять же отважно запил водой озера.

Утро. Спасибо тебе, моя родина, моя семья, приучили вставать рано. Делегация кричит, когда выезд всего-навсего в восемь, а я с пяти, с шести бегая по округе. Совсем не хваюсь, а радуюсь. Как же везде и всегда хорошо ранним утром. Воздух чище, на улицах просторно, в море мало лодок. Помогите, Господи, сохранить в сердце всё, что вижу сейчас с десятого этажа.

Выехали. Гид почему-то начал о мифическом существе, которое отгоняло мух. А, оказывается, его имя Веельзевул. Синий его цвет, синего цвета боятся мухи. Сказать бы это жильцам общежитий, где синим (кубовым) цветом закрашены засиженные мухами стены. “Синий цвет у каббалистов, – говорит гид, – сейчас проезжаем их синагогу”. Вот что.

Снежная шапка на горе, две тысячи двести метров над пространством. Поля пшеницы. Место битвы крестоносцев с Саладином. Была жара. Саладин приказал отступить. Крестоносцы, блестяще вооружённые, в доспехах, на конях, которые тоже в доспехах, преследовали, радуясь победе. Но рано радовались – солдаты Саладина засыпали колодцы, поджигали сухую траву. Каково в железных доспехах. Умирали от жары – и не в переносном смысле.

Мелькнула очередная мечеть, а где мечеть, тут и православный храм. Мимо летим. А где наша матушка? Оказывается, утром сообщила женщинам, что отзывают. Думаю, просила отозвать, ибо гид в поездке первенствует. Он вроде бы даёт сумму знаний, но совершенно не настраивающих на молитвенное состояние. Ведь где мы? Это он тут живёт, а мы в Святой Земле. Вот: “Муэдзины были слепые или специально ослеплённые. Спросите, почему? (Но мы же не спрашиваем.) Место муэдзинов на минарете, выше всех. Сверху видели женщин. На плоских крышах протекала жизнь. Чтоб никому не давать видеть своих жён, моющихся, отдыхающих, муэдзина лишали зрения”. Зачем это нам?

Рассказывает о селении Афул, которое наполнено своеобразными жителями.

“Когда кого-то упрекают в отсутствии сообразительности, спрашивают: “Ты что, из Афула?” Это то же, что спросить: “Ты что, из Чухраёв?”, то есть вроде как сибирский валенок. А без этого сведения разве бы не прожили?

Но это что, вот в Турции был гид, тот точно из Афула. Говорил: “Ева – турчанка”. Ему нравилось, что слушатели смеялись. “Великую Китайскую стену воздвигли турки, чтобы не пускать китайцев к остальным”. И так далее. “В России тоже есть многожёнство. Вторую жену зовут секретарша”.

Сам, без гида, издали узнаю Назарет. Назаретянин – житель Назарета, а назореи – секта. “Инославцы, – сообщает гид, – не иноверцы. Они славят того же Бога, но по-своему”. Попутно, непонятно, по пути с чем, сообщает, что иудейский головной убор – кипа означает сферу, купол – знак власти Бога над тобой.

На остановке ограбили: картонный стакан горячей воды, в которой мокнет серый мешочек с чем-то – доллар. И пить не стал – выплеснул. Смешной протест – доллар-то отдал. А что я удивляюсь, в Домодедово стакан чая – сто рублей. Но хоть чай, а не жмых.

Вроде и хорошо – кондиционеры в автобусе. Но вот кто-то чихнул, и вентиляторы гоняют заразу по салону.

“В золоте купались, но не в вине. Не развратились. За прелюбодеяние убивали. Гомосексуалистов забивали камнями до смерти”.

Это гид о своих предках.

О фантастических урожаях в кибуцах. О героических Бен Гурионе и Голде Меир.

Ну и что записал? День ездил. Нет, надо заречься ездить с гидами-иудеями. Погребают всё ощущение святости земли под завалами начитанности. Вот тоже был один, вспоминаю, ехали от Красного моря, по пути возвраще-

ния евреев из египетского пленения. “Гора Ор, тут скончался Аарон, брат Моисея. Ор – граница меж Идумеей и Палестиной. Недалеко Кадеса, в переводе “святое место”, был стан после первого года странствия. Умерла Мариам, сестра Моисея...”. Но штука в том, что записал же! Вот что характерно. А нужно мне это было? И прочесть мог. А сейчас, а сегодня ведь было же и утро, и озеро, и Иордан. Было, и пронеслось. Вот это дай, Боже, запомнить.

И опять уносилось сердце во времена начала новой эры. Встали рыбаки совсем на заре в городе Вифезде, рядом же, пешком шли, а это был день встречи со Спасителем. Никто вначале апостолу Андрею (будущему) не поверил. “Иди и смотри”. И пошли, и увидели. Так же бы и нам приходиться и видеть.

ЕЩЁ БЛОКНОТ

(Опять же без дат, да это опять же неважно).

Пустыни, пустыни. Песчаные, глинистые (такыр), камни, песок. Всё скорбно и ждёт милости небес. Упадёт капля – через два часа травинка. Сам испытал. Возил в первые приезды с собой кипяtilьник, ибо как русскому, тем более вятскому водохлёбу, без чая? Выплеснул из чайника остатки воды и заварку под куст под окном. Вечером вернулись из поездки – около куста крохотная клумбочка травки там, куда попала влага. Двести миллиметров в год осадков. Приехал раз в апреле, не было давно дождей, сказали. В следующий раз к осени будущего года приехал, и знакомый сказал, что с тех пор опять не было дождей. Как живут? Ночные туманы, утренние росы, подземные реки, есть же они у Господа. Вспомнишь тут наши грибные дожди, тихие, ласковые.

Понял я, что можно здесь верить немногим плодам. Маслины (оливки) и финики. Почему? У них корни по несколько десятков метров. Те, чьи корни в верхних слоях, плодоносят в зависимости от полива. А он может быть и химический для взбадривания роста и досрочного созревания. То есть для продажи, дохода, а значит, тут качество продукта в расчёт не принимается.

Красные маки, так оживляющие склоны гор, обочины дорог, как капли крови Христа, цветут не каждый год, ждут условий. Значит, и год, и два сидят в каменистой, прокалённой земле, но сохраняют жизненные силы.

Мощь пустыни подвластна только Богу. Уходили отшельники, надеясь только на Его помощь. Без этого – смерть. Хочешь доказать, что выживешь сам? И не пытайся.

Даже и не мечтаю. Вспоминаю пещеры наших Лавр, похожи они очень на здешние. Не утерплю, запишу, пока вспомнил: в Египте обогнал я группу своих, когда поднимались к пещере Антония Великого, оглянулся – далеко обогнал. Поднялся, протиснулся в неё. Даже робость овладевает, это же метров восемь в расщелину входишь. Тесно, страшно, мысли о змеях. Идешь в полную темноту, сам собой заслоняешь проникающий свет. Оступился, пополз, щупая пол и стены руками. Ещё вниз, вверху ощутилось пространство. Нашупал одеяла, загремела канистра. Стоял, молился, привыкал. Чуть забрызжало. Разглядел иконы, успокоился. Решил подождать спутников. Пойдут же они в пещеру. Молился, потом решил примериться к ложу. Лёг, замер. Такой тишины мне больше никогда не слышать. Может, сжалился над моими измученными ушами Господь, сподобил ощутить состояние досотворённого космоса, в котором не было ни звуков, ни времени, ни красок. И света не было? И ни света, и ничего. Ни-че-го. Нет, не понять. Вопрос: “Что делал Господь до сотворения мира?”. Ответ: “Готовил ад для любопытных”. Есть же пределы попыткам познания. Слушайся святых отцов: “Знай себя и будет с тебя”.

Монастырь Георгия Хозевита, места пророка Илии, праведного Иоакима. Идти долго. Немного, для начала, пристают владельцы осликов. Но эти всё-таки не такие прилипчивые, не как те, с верблюдами, на Синае. Поднимаешься, не отстают и постоянно: “Кэмел, кэмел! Руськи, велбуд, велбуд”. И идут упорно, хотя твердо отказался. Думают, седой, устанет, попросится.

Внизу зелёная нитка водовода ещё со времён Ирода. Зелёная от воды, что бежит по желобу. А чуть дальше всё опять сухо и выжжено. Пещеры и пещеры по склонам. Имена же отшельников и молитвенников здешних знает только Господь. Даже и у монастыря, как напоминание, висит корзинка, в которой монаху подавали раз в неделю хлеб и воду. И однажды корзинку не утащили вверх. Значит, умер? Да. И пещерка его стала его могилкой. А в корзинке птицы каждый год выют гнездо. Пищат внутри птенчики.

Гид вещает: “Тут жили монахи. Они оставили свой бизнес, предпринимательские подряды, идеологические вопросы и ушли размышлять. Им помогают богатые вдовы, отдают деньги мужа на монастырь”.

Внутри дружно и молитвенно поют сербы. Просто одетые, радостные. И у нас удивительный молебен в пещере пророка Илии. Три девочки, и откуда они? Поют ангельски. Да все в белом. У одной куколка – малютка Христос. Баюкает.

Паломники, по себе сужу, помнят не все молебны в Святых местах, это, может, и невозможно, а какие-то, те, когда сердце было настроено к молитве. Да нет, монашки знают все.

Молимся. Тут так отраднo. Долго, трудно шли. Жарко. А здесь так благолепно, звук молитвы в пещере прямо обволакивает.

Видимо, для нашего сына мы такие старые! Говорит: “Отец, ну ты, я вижу, сам дойдёшь до автобуса, а маму надо на ослика посадить”. – “Не согласится”. Арабы идут по пятам. Нет, сын уговорил, жена моя садится на ослика и тут же начинает плакать: “Ой, ему тяжело, ой, он такой маленький, ой, дай-те, я отдам деньги, но пойду пешком”. Так и не поехала. Араб доллары взял, но честно прошёл всю дорогу с нами. Ослик цокал рядом. Надя гладила его по умной, грустной голове. Сели в автобус, поехали, помахали ему рукой.

И ещё про жену. Это во всех смыслах русская женщина. Вот доказательство. Я поднимаюсь на Синай, на гору Моисея четвёртый раз, Надя первый. Еле уговорил. Ночь. Молюсь, иду легко. Надя тоже молится, но слаба, ещё бы, после Москвы, в отпуске не бывала две пятилетки, всю семью на себе тащит. “Не могу, упаду”. – “Ну, постоим. Давай на камешке хотя бы посидим”. Упрямо идёт дальше. А впереди ещё, от того места, до которого могут доездить на верблюде, ещё восемьсот пятьдесят ступеней. Сам не считал, верю, что не меньше. Восемьсот пятьдесят. И не по двадцать сантиметров, по сорок, по пол-метра. Широкие, ещё и по ним идёшь. Ветер, тьма, нитки светлячков-фонариков внизу. Как много уже прошли. Но поднимешь голову – далеко-далеко тоже цепи фонариков. И это всё надо пройти. “Я умру, иди один. Иди, я тут сяду и подожду”. И видно – измучена вконец, лицо бледное, дышит прерывисто, лоб в испарине. “Тогда давай вернёмся оба”. – “Нет, ты дайди”. Молча стоим на ветру под редкими звёздами. Слышим вдруг хриплое дыхание, тяжёлый кашель. Ползёт по ступеням с двумя костылями старик явно старше меня. Подаю руку, он поднимает ногу, ставит её на следующую ступень и подтягивает другую ногу. “Данке”, – выдыхает он. Немец. “Хильфе?” – спрашиваю я. “Найн”. Уходит. “Что ты ему сказал?” – “Спросил, не надо ли помочь”. И жена, вот это и есть русская православная женщина, сама еле живая, торопливо говорит: “Надо, надо ему помочь, пойдём. Если и такой человек идёт, надо идти, стыдно перед ним”. Идём, и я рассказываю, как в предыдущий раз видел, как родители-старички вели на вершину слепого сына.

И дошли. И встретили ликующий рассвет, восход солнца, уход ветра, тепло и сияние наступившего на земле Божьего дня. Обратно, к монастырю святой Екатерины шли другим путём, более крутым и невозможным ночью. И жена, веселёхонькая, прыгала по ступеням как горная козочка. А я пел: “Хорошо нам с Надей тута: один час – одна минута”.

А однажды причастился на Синае. И уже, может быть, и не расскажу подробно. А надо бы. А надо ли? Многие же поднимались. Мне просто повезло, Господь сподобил, что в ту ночь в церкви служили Литургию. А обычно церковь заперта, и в щёлочки железных ржавых дверей ничего не видно. Подни-

мались, снабжённые в дорогу сухим пайком. Но силёнок не было даже на еду. Думал: дойду до вершины, там разверну этот харч-пакет. И вот — поднялись — отец Сергей, вперёд уходил, идёт радостный, говорит: “Греки служат. Кто не ел с полуночи, давай на исповедь”. А как пели греки! “Агиос, агиос, агиос, кирие Саваоф!”. И как мы “Символ веры” и “Отче наш”!

О, как спасает в тяжёлые минуты, дни и часы воспоминание о таких событиях.

ПУСТЫНЯ СЯГО САВВЫ ОСВЯЩЕННОГО

Помню неохватные взглядом свалки мусора, когда долго добирались до многострадального монастыря Саввы Освященного. Они дымились. И звали эти места геенной. Сейчас и мусора, и дыму поменьше. Тот перегорел, новый не валят.

В монастыре служба. Стоим. Тихонько отзывают, ведут вверх, к келье святого Иоанна Дамаскина. Знаменита поэма о нём Алексея Толстого. Константиновича. “Благословляю вас, леса, долины, реки, горы... И в поле каждую былинку, и в небе каждую звезду”. Неточно, может, цитирую, но видится эта молитвенная свобода человека, ушедшего от мира, от денег, от почестей. И куда? К послушанию чистить выгребные ямы в монастыре. Тут свеча горела, тут он сгибался над рукописью. Выходил на выступ над пропастью, читал звёздное небо, как мы газету. Днём видел стада коз, слышал шум потока внизу, то слабый, то тревожный. Тут и Мёртвое море рядом, и Кумранские рукописи тут обнаружены.

Там, у моря, Моссад, за морем гора Моисея, Нево, и гора Ирода, Мохерус, похожая на Иродион, который недалеко от Вифлеема. Вряд ли сопоставлял всё это преподобный Иоанн, но, думаю, отражалась же близость ветхозаветных и новозаветных мест на высочайшем уровне его творений. Вот у него-то творения, у нас записочки.

Монах. Из Сибири. Был на Афоне в монастыре Хиландар, как раз где икона святого Иоанна Дамаскина “Троеручица”. Полторы тысячи лет монастырю. Святой Савва ходил и увидел огненный столп. Божия Матерь ему: тут строй монастырь. Будет стоять до Второго пришествия. Сотни монахов были убиты в начале седьмого века. Осталось два или три. И ещё были монастыри, основанные Саввой, но остался только этот.

Служба. Только несколько свечей горит. Потолок низкий. Монахи стоят как тёмные столбики, которые его поддерживают.

Электричества нет, вода дождевая лишь. Русский старик-монах качает рукояткой водяной насос и кричит: “Дали визу на три месяца. Не продлевают. Отсижусь. Если что, спрячусь. Тут хорошо. Афонский устав. Молитва ночная. И женщинам нельзя”.

Слышно как оставленные у автобуса женщины поют молитву. Они поднялись на гору, чтоб было нам слышнее.

Может ли дьявол спастись? Может ли Господь простить его? Где и поднимать такие вопросы, как не в монастыре, обгабленном кровью мучеников за Христа, столько натерпевшихся от слуг дьявола?

“А почему нет? — отвечает монах. — Я не от себя скажу, от Антония Великого. Его сам сатана вопрошал. Более того, Господь попустил и такое, что даже Великий Антоний не понял, кто перед ним. Приходит мужчина, простой человек, просит ответить, примет ли Бог покаяние от дьявола. Антоний встал на молитву, и ему Ангел после молитвы открыл, что Господь никого не отвергает, потому даже самые отчаянные грешники не отчаивались, а приносили покаяние. А почему, думаете, так Господь решил? Потому что на Суде сатана может возопить: я хотел покаяться, а Бог не допустил. Чтобы у него такого довода не было. Так разумею. И когда снова тот человек пришёл, Антоний уже знал от ангела, кто задавал вопрос. Сказал: “Стой на одном месте, обратись к востоку, и день и ночь взывай: — “Боже, помилуй мя — злобу древнюю”. — И так сто раз. Потом говори: “Боже, помилуй мя — прелесть помраченную”. И это тоже сто раз. И ещё: “Боже, помилуй мя — мерзость запустения”. Опять

стократно. Взывай непрестанно, ибо не имеешь состава телесного и не можешь устать. И что, спросите, сказал Антонию сатана? Захотал! — “Чернец, да как же я сам себя назову злобой древней, прелестью помраченной, мерзостью запустения? Да я живу лучше всех, да у меня столько слуг, море грешников, я царствую над ними, они любят меня, живу в их сердце, ходят все они по воле моей, а ты хочешь, чтоб я стал рабом покаяния? Как променяю власть на безчестие?”. Вот такой ответ.

ИСТОЧНИКИ

Конечно, счастье, что стоит в Назарете наш православный храм и именно над источником Девы Марии. А ведь я ещё помню, когда пускали вниз, по ступеням, к самому источнику. Такого освежения, такой встряски чувства молитвы испытать ли ещё? Тогда прибежал вперёд всех, торопливо поставил свечу и, восторженно крестясь, сдерживая себя, сошёл к воде. Боже мой, тут архангел Гавриил принёс весть о рождении Спасителя Деве Марии. Кружка, помню, была металлическая, на белой цепочке. Мелькнули в голове бедные наши полустанки с баками кипячёной воды и с такими же кружками. Пил воду и обливался. Вначале голову, а потом и остальное. И весь освежённый и счастливый, и мокрый стоял сзади всех на молебне. А когда он кончился и поехали дальше, я уже весь обсох. И было ощущение чистоты одежды и лёгкости тела.

Ведь это же со мной было, Господи, слава Тебе!

А ещё тут же запишу про ещё один источник Божией Матери. Жил в Горней и бегал умываться к нему. Прямо всю голову макал, такой восторг! Но особенно помню, как ходил пешком к источнику Иоанна Крестителя, к католическому монастырю, к пещере, в которой он был младенцем. Они скрывались от воинов Ирода, уже знали, что всех младенцев убивают. Бежали ночью. Боже Ты мой! Пустыня, шакалы кричат, не просто кричат, а так вуют, что содрогаетесь. Ветры, особенно хамсин — это ветер, который несёт такую пыль, что проникает сквозь любые ставни. Ночью холод, днём жарища, дышать нечем. И этот Богоносный малыш один-одинёшенек. А олениха, питающая молоком, а ангелы, обучающие Писанию? Нет, слаб я, не проникну в Божию премудрость. Просто верую и исповедую, что так и было. Отец, убитый “меж церковью и алтарём”, умершая мать, Иоанн один. С Богом.

“Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще”. Тут искать ответ.

Да, эти незабываемые дороги до источника. Да какие дороги — тропы и заросли. Ведь не терпел зигзагов, казалось, близко напрямую. Да и монахи-ни говорили, что иногда ходят напрямую. Торопливо шёл, как говорят на Вятке, впробегутки. Склоны, овраги, камни. Боялся, помню, змей. Слаб верой, ещё не дорос до “на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия”.

Прибегал, и вот — счастье — был один-одинёшенек у пещеры и источника. А один раз не успел до закрытия. И что? И, конечно, нашёл, где перелезть ограду.

А первый раз, я же не знал, принял за источник прудик у пещеры. Он очень глубокий. Декоративен, обведён мрамором, в нём цветущие водяные растения и крупные разноцветные рыбы. Это я всё потом разглядел. А тут прибежал разгорячённый, приложился к образочку в пещере, разделся и ухнул в этот красивый водоём. Дна нет. Хорошо, умею плавать. Как-то выбрался. Потом разглядел и рыб, и то, что рядом лестница к источнику. Но лето, но всё заросло, не мудрено, что не заметил. А вода в источнике показалась самой холодной изо всех источников Святой земли. Но так отраднo!

А Овчая купель? Уж выдам секрет. В ней нет погружения, да и воды никакой не видно. Но надо знать. Когда экскурсию (группу) ведут прямо и направо, надо потихоньку отстать и идти прямо и налево. Потом вниз по красным разбитым спускам. Там металлическая ограда. Может, нехорошо, но надо и её преодолеть. Но вреда ей не нанесёшь — железная. Там ступени, по ним остo-

рожно вниз, там полумрак, там – вот и она – целебная влага. Замри, и услышишь тихие звуки. То не “ангел возмущаше воду”, то музыка капели. Капли падают из разных мест, и от этого на воде узорные блики. Стоять бы тут, читать Писание, молиться. Но когда? Надо бегом-бегом раздеваться, опять же перекарабкиваться ещё через одну решётку и входить в евангельские воды. Один раз было по пояс, другой раз по щиколотку. Опускаешься на колени, пытаешься понять, где восток. Но тут везде святое счастье прозрения и исцеления.

Источник святой равноапостольной Марии Магдалины. Всегда был то ого-рожен, то безводен, а сейчас – какая благодать! Стоишь над ним, он тём-ен и зеркален внизу, и в нём идут облака. Слава Тебе, Господи!

Недалеко и радоновый горячий источник. Это уже курорт. Маленькие рыбки щиплют волоски на ногах, думают – трава.

А Елисейский поток? Спасибо матушке, подсказала, где он. Он в част-ном владении, и понятно, что не очень-то хозяев радует наплыв людей. Но они – люди добрые и матушку любят. Поток льётся в бетонном жёлобе, вода вкуснейшая. Надо раздеться и лечь в него, лечь и Бога славить за счастье та-кого омовения.

Уж доскажу и ещё про один источник, про купель Силоамскую. Около неё, сколько помню, идут раскопки града Давидова. Где-то же тут обломки столпа Силоамского, под которым были погребены восемьдесят человек. “За что? Разве они были в чём виноваты, виноватее нас?” – “Нет, но, если не покае-тесь, то же будет с вами”. Подошла еврейка. Археолог из Новосибирска. Кур-рит. Просто поговорить подошла. “Тут у меня и мама, и работа, но без рус-ского языка тоскую”.

А источник без подсказки вряд ли найдёшь. Но услышишь вдруг радост-ные детские крики, перекрывающие рёв машин, и понимаешь – тут. Это на-чальная школа, она как раз над источником. Владет им гостеприимные ара-бы. Вниз по ступенькам, подалее в темноту расщелины, по металлическим острым решёткам, там уступ, на который складываешь одежду, и вот – ты в Силоамской, по Слову Господа исцеляющей, купели.

И ещё успеешь и к группе присоединиться, и на раскопки воззреть.

И всегда слышу совет, и уже и сам его даю: “Всегда молиться”. – “И всё?”. И всё. Да, и всё. И разогреется сердце, и услышит тебя Господь. Ведь входим в храм, как неживые, как на ходулях. Замотаны дорогой, тороп-ливостью, особенно мыслями о земном. Молиться. Только не мучить себя, не ругать себя, не ждать результата. Молиться, и всё.

И не считать, что моя молитва здесь, на Святой Земле, более доходчива, чем молитва сверстника-старика в деревенском храме. Дело в силе веры. Я и за этого старика молюсь. И за нашего батюшку и его семью, и прихожан на родине, за всех. Услыши молитвы их, Господи! Помоги им, Господи.

Особенно молюсь за одну семью. Уже и дети есть, уже и в школу стар-ший пошёл, а всё не венчаны. Ну как же не понимают, прямо беда, что ради детей надо под венец. Нельзя детям в родительском грехе расти.

Да, вспомнил читанное о преподобном Кукше. Именно в Силоамскую ку-пель он упал, теснила толпа, когда совсем молодым был в Иерусалиме. А пер-вой попасть в источник мечтала женщина, не имеющая детей. По преданию, женщиной после омовения прежде всех Господь даровал детей. И над моло-дым иноком смеялись – дети будут. А у него и было потом множество духов-ных чад. Выселенный с Афона, когда греки старались, пользуясь смутой имяславцев, побольше наших монахов убрать со Святой горы, Кукша много перестрадал. Умирал в преклонном возрасте. Он же ещё и сидел в тюрьме, был на лесоповале. Раз увидел – за колючей проволокой – повар с кухни нёс обед охранникам. Кукша сказал ворону: “Ворон носил Илие хлеб, принеси и мне хоть кусочек”. И ворон принёс страдальцу пирог, уронил его рядом на снег.

ПРИЧАСТИЕ

Утро. У Вифлеемской звезды, в пещере только мы, русские. Служат греки, помогают им арабы. И наш батюшка облачился в праздничное. Проскомидия на виду у всех. Архимандрит, быстро и ловко вертя в руках просфору, вынимает частицы, читая записки или слушая диктовку имён. Очень терпелив. Но когда женщина читает имена и минуту, и две, и три, отстраняет её и слушает следующую. Женщина, отходя, говорит мне: “У меня же ещё записки и в другом кармане были”. И все её понимают, всем хочется побольше помянуть родных и близких. Ведь это в таком месте.

Это не высказать. Идёт служба, мы стоим в пещере, откуда возшло солнце нашего спасения. Пастухи простыми сердцами умилились и пришли, куда привёл ангел. И умных волхвов привела звезда. А ведь волхвам Ирод сказал, чтобы они вернулись к нему и рассказали о царе иудейском. То есть волхвы рисковали, когда решили к нему не возвращаться. Но что бы они сказали? Родился Мессия? С царством твоим покончено, Ирод. А если бы это спасло вифлеемских младенцев? Но о казни младенцев волхвы и представить не могли. Всё было, как было.

Стоял на Литургии у яселек Богомладенца. Только и думал – продлилась бы служба. Женщина-палестинка в чёрной куртке, простоволосая, вместо хора певчих. По-арабски “Господи, помилуй” похоже на “Я-архаба”. Мальчик пробрался к звезде и сел у ног архимандрита, глядя на нас с любопытством. “Отче наш” пели на русском. Батюшка наш в богатой ризе. Пронеслась служба. Причастились. Только бы отложились и эта Литургия в сердце, вернее, на сердце, чтобы защищать его от стрел лукавого.

Много свечей на подставках для них. На круглом блюде с водой решетка, и в неё вставляют коричневые толстые свечи. Особо со свечами не церемонятся. Некуда свою поставить? Выдёргивают любую, гасят и в ящик. Хватит, погорела.

После причастия запивки нет. Заедаем кусочками Вифлеемского хлеба. Хлеб ломают над звездой и щедро раздают. Подхожу за ним дважды. Знаю, как целительно среди московской зимы начать день с крошки такого хлеба, запитого святой водой.

Из пещеры нас выгоняют армяне. Втаскивают свою икону, устанавливая над звездой.

Вернулся. Ещё время до завтрака. Вспоминаю причастия на Святой Земле, сколько их было? Десятки. Но разве важно количество. Истоиво верующий, однажды приехавший и однажды здесь причастившийся, может, более спасён, нежели аз грешный. А священники в ссылках, тюрьмах, причащавшие кусочками ржаного хлеба, делавшие епитрахили из тюремных полотенец, разве такие причащения не спасительны? Да ещё больше.

Всё в меру веры. Здесь же, лет одиннадцать назад, вернулись в пасхальное утро из собора Русской миссии, где причащались и разговлялись. Вышли из автобуса у гостиницы “Гранд-отель” и, не заходя в неё, не отдыхая, пошлагали в храм Рождества. Шли по пустым улицам и пели: “Воскресение Христова видевшие...”.

А вот когда поют “Херувимскую”, и в каком бы храме ни был в это время, представляю тут же Троицкий собор Лавры. В нём на ранних службах бывал многократно за долгие, счастливые, годы преподавания в Духовной академии. И врзалось, как однажды стоял у алтаря, и могучий хор молодых голосов, студентов Академии, начал “Херувимскую”, то я совершенно отчётливо увидел у жертвенного столика преподобного Сергия. Он! Вполоборота, в серой рясочке, склонясь над столиком, стоял молча, молился. Я боялся шелохнуться. Вышли со Святыми дарами, заслонили вход в алтарь. Когда запели “Яко да Царя всех подыдем ангельскими чинми...”, у жертвенного столика никого не было.

И на Фаворе причащался, на рассвете Преображения, и много раз в Горней, и у гробницы Божией Матери, и, конечно, в храме Воскресения, на Ночных службах, у Гроба и в самом храме причащался и, уже где-то записал, на Синае. Везде.

И всегда после причастия была спасительная мысль: вот теперь не страшно умереть.

Боль сердца – напоминание о Боге. Болит – молись, исповедуйся, причащайся, и пройдет. Сердце болит у добрых.

ЛЮДИ-ГОЛУБИ

Так я называю паломников. Цитирую по памяти из Даля: “Паломничество встарь было в повсеместном обычае”. Насильственно прерванное, оно возродилось и разрастается, как дерево из благодатной почвы. Даже и дуб в Хевроне возрождается. Нам ли унывать. Благою весть несут люди-голуби, прилетавшие в Святую Землю и разлетающиеся по всем пределам России.

Слово паломник производится от слова “пальма”, “ветвь Иерусалима”. Ветвями пальмы выстланы последний земной путь Христу поверившие в Него. Но слово “пальма” имеет и латинские корни, напоминающие голубя. Палом, палумба. Вспомним песню юности “О, голубка моя”, “Ля палом, адью!”.

Люди-голуби одушевляют и оживотворяют Святую Землю. Нет их, и Святой Земли не доищешься. Останутся одни жующие и обвешанные кино- и фотоаппаратурой туристы.

Из “Напутственного слова”: “Вспоминая Вифлеем, в котором Сын Божий, будучи Богом, родился от Святой Девы Марии человеком для нашего спасения, не забывайте, что и вы явились на свет Божий не для того только, чтобы есть, пить и веселиться, а для труда и забот о едином на потребу – служения Богу и спасения своей грешной души. С мыслью об Иордане, в котором крестился Господь наш Иисус Христос, у вас должен быть помысл и о вашем крещении, при котором вы дали обет служить Богу... Сорокадневный пост и молитва Спасителя в Иорданской пустыне да напоминают вам, что искушения и козни диавола и дикие вопли страстей человеческой природы могут быть усмирены и побеждены только молитвой и постом – этими двумя крылами, при посредстве которых и мы можем взлететь к престолу Всевышнего... Подвиги и мученическая кончина Иоанна Предтечи да послужат уроком и образцом того, что правда должна быть выше и дороже всего – всех корыстей земных, хотя бы из-за неё пришлось лишиться свободы и даже самой жизни. Назарет да напоминает вам о величайшем смирении пренепорочной Девы Марии, удостоившейся здесь неизреченного счастья – воплощения от Нея Бога Слова, и о том, что смирение есть наиудобнейшая Богу добродетель. Преображение Господне на Фаворской горе, при котором лицо Его просияло как солнце, пусть переносит вашу мысль к последнему дню мира, в который и наши тленные воскресшие тела, украшенные подвигами добродетелей, изменятся в нетленные и тоже просветятся яко солнце в царствии Отца Небесного...

Не праздное любопытство влекло вас сюда, а Святая вера, Святое желание утолить духовную алчбу и жажду души вашей, помолиться Господу на самом месте принесения Им себя в искупительную жертву, принести чистосердечное покаяние, дать Спасителю обещание прожить оставшуюся земную жизнь в добрых делах... .

О вера, источник временных и вечных радостей, основание любви Божией к нам, грешным. О вера, Ангел наш хранитель, утешитель, спаситель! Божественная вера, вера Евангельская, Православная! Вера Христова, единственная, единая, не оставляй нас! При такой вере, если пойдём и долиной смерти, не убоимся. С нами Бог, а если Бог с нами, то кто против нас? Только помните всегда, что вера без доброй жизни христианской – что дерево без плодов. Вера – цветок, а жизнь по вере – вожделенный спасительный плод ея...”.

А рядом и мои выписки из “Голубиной книги”. Готовился же к поездке:

“Какой город всем городам отец? Иерусалим – всем городам отец. Почему тот город городам отец? Потому, что в том городе, посреди земли, стоит церковь, всем церквам мать. Почему она всем церквам мать? А стоит в ней престол Божественный, а на том престоле Божественном стоит гробница белокаменная. В той гробнице белокаменной почивают ризы самого Христа, Царя Небесного.

А какая же река всем рекам мать? Это Иордан, где принял от святого Иоанна Предтечи Крещение Иисус Христос.

А какая гора всем горам гора? Это Фавор, где произошло Преображение Господа нашего Иисуса”.

И – главный вопрос: “А какая же земля всем землям земля? Это Святая Русь – земля. На ней стоят церкви апостольские, люди молятся Богу распятому”.

“СВЕТИСЯ, СВЕТИСЯ, НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМЕ...”.

И есть и будет Христос посреди нас, и есть и будет у нас Новый Иерусалим. В прямом смысле. Практически рядом с Москвой. Это уже все знают, и многие в нём бывали и бывают. А я давно не ездил. Но не ругаю себя, ибо для того сильного впечатления, которое испытал от приезда туда, был даже и нужен такой долгий перерыв. Знал, что восстанавливается монастырь, но такое было безотрадное воспоминание от тех приездов в 60-е, 70-е годы, что боялся, как говорят психологи, впечатлений со знаком минус.

А ты приехал – всё получилось со сплошными плюсами. Поглядел на вознесшийся заново купол храма – ротонду, сразу сердце сказал: да! И уже понесли по ступеням на Голгофу. Крест палестинский, подлинный, Господь и добрые люди сохранили. Побыл, повспоминал Ночную службу на Голгофе, и уже показалось, что именно тут причащался. Спустился, приложился к Камню помазания, вполз на коленях по коврам в Придел ангела и в сам Гроб. Обошёл всё вокруг. Конечно, ещё делать и делать. Ещё и не вполне монастырь, ещё сильный налёт музейности. Но уже, если один экскурсовод говорит о закомарах, апсидах, о тутошнем съезде эсеров в восемнадцатом году, то другой – невысокая, зябнущая на сквозняке девушка, говорит о бичевании Господа, о распятии так, будто сама была свидетельницей страданий Господа.

Есть в Новом Иерусалиме, может быть, от изразцов, от окружающей зелени, от крепостных стен, сложенных из красных кирпичей родной глины, какая-то русскость, основательность, спокойствие. Изразцы здесь называются “павлинье око”, а павлин – птица райская. Светят павлиньи очи нам из семнадцатого века, и дай Бог им светить ещё долго-долго.

Великое счастье, что в России есть эта святыня – Новый Иерусалим. И будет там, рано или поздно, схождение на Гроб Господень Благодатного огня в Страстную субботу.

Всё тут такое подлинное. Поток Кедрона мелкий, и скоро высохнет. Как и в Иерусалиме. А река Иордан-Истра такая точная в совпадениях, только бы глаз не поднимать к зданиям и трубам. Для погружения всё оборудовано. Не так богато, как в Кинерете, зато бесплатно.

По дороге на Иордан вкрапление дикого язычества – дерево желаний, обвешанное тряпками и разорванными носовыми платками. “Везде есть такие, – защищает дерево черноволосый мужчина в широкой кепке, – и у нас в Грузии есть. Разве у вас нет желаний?” – “Нет”. – “Не может быть!”. – “Может. У нас есть уверенность, что Господь лучше нас знает, что нам нужно”.

Впервые разглядел, что то здание, которое именуется в музейном путеводителе кельей патриарха Никона, собственно кельей не назовёшь, это, скорее, дом приёмов. А сама келья – трогательно крохотный домик на крыше. Он каменный, но сделан по типу бревенчатых избушек. Метра, может быть, четыре квадратных. Вроде и большая келья, но далеко ей до загородных строений новых русских. Они вообще хамских размеров. Архитектура стиля а ля финансы.

И зачем только Никон так резко и так жёстко менял привычное богослужение? Да, надо было править книги. Да, и он был прав, и Максим Грек, но

рвать привычное так сразу, так вдруг... Объяснить бы о троеперстии, об ошибках в Богослужебных текстах, нет, не церемонясь – выполнять приказ! Но и Аввакум, нападавший на Крест, разве был прав? Это как понять: “Крест – польский крыж”? Хоть ты одним пальцем крестись (Бог един), хоть двумя (две ипостаси), хоть тремя (Троица), всё равно начертываешь на себе знак готовности следовать за Христом, умереть за Христа.

Договорю о Новом Иерусалиме. Взорвали его десятого декабря. Взрывали эсэсовцы элитной дивизии “Райх”, стоявшие там всего две недели. Тащили с собой огромное количество взрывчатки, но наше наступление под Москвой вынуждало всё бросить. Тогда всё и зарядили в основание главного храма. И должна была остаться только грудка щебня. Но – велик Господь – взрывная мощь обошла алтарь, сохранила кувуклию. Конечно, потери были огромны. И настолько было велико значение Нового Иерусалима, что обвинение в его порче стояло отдельной строкой в документах Нюрнбергского процесса, суда над фашистами. Их, немцев, приговорили к восстановлению архитектурного русского шедевра.

Не торопятся исполнять приговор. Да и некогда им, всё долги евреям платят. Но узнал я, что приезжал в монастырь старик-немец, и плакал, и калялся, что он из тех, кто взрывал, и что тот, кто командовал, умер страшной смертью. Какой? Разве важно, какой. Страшной.

“НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ”

Это я не на чьих-то похоронах, это бабушка читает специальные молитвы прощания со Святой Землёй.

“Ныне отпускаеши раба Твоего, владыко, по глаголу Твоему с миром...”, – дальше все знают. Читает в автобусе, другого времени не будет. Начнутся в аэропорту процедуры, в самолёте не прочитаешь при всех, в Москве разбежимся: кто на электричку, кто на экспресс, за кем и машина придёт. А сейчас мы последний раз вместе, в родном пространстве, в котором проехали многие сотни километров по горам, долинам и пустыням Святой Земли, в котором бывало и жарко и холодно, в котором молились, исповедовались.

“Свете тихий святых славы безсмертного Отца небесного, святого блаженнаго, Иисусе Христе!

Пришедше на запад солнца, видевшe свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога... Господи, – бабушка возвышает голос, – к Тебе прибегах, научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой, яко у Тебе источник живота, во свете Твоем узрим свет. Пробави милость Твою ведущим Тя”.

Неужели уже завтра утром скажем: “А вчера в это время...”?

Всё, поехали.